О Владимире Федоровиче Мыльникове, участнике боевых операций на Дальнем Востоке, и пойдет речь сегодня.

- Родился я 27 июля 1926 года в Ржеве, жил на Московской улице, это в районе Холынки, - начинает свой рассказ Владимир Федорович. – Когда уже началась война, мой дядя, работавший на железной дороге, пришел к нам домой и сказал: немцы скоро будут в Ржеве, из города вот-вот уйдет последний эшелон, так что, пока не поздно, надо отправляться в эвакуацию. Вместе с матерью и двумя сестрами я сел на этот эшелон, но проехали мы в сторону Москвы от силы 60 км - и поезд начали бомбить! Состав остановился, я взял на руки младшую сестренку трех лет от роду, выскочил из вагона и побежал к лесополосе, укрылся там. Прячусь, а все равно интересно, выглядываю из-за деревьев и вижу – пикируют «мессершмидты», бросают бомбы, сыплют листовки; кто-то в вагонах оставался, другие выбегали, забирались в воронки от бомб: мол, в одну воронку снаряд дважды не попадает... Через некоторое время бомбежка прекратилась, эшелон, как ни странно, остался на ходу; уцелевшие, включая меня и сестренку, снова расселись по вагонам, и мы поехали дальше – навстречу неизвестности.
Моя семья была эвакуирована в Башкирию, а точнее – в деревню Никитинка близ станции Туймаза. Вот где я начал работать, как взрослый! Пахал на тракторе, до сих пор помню одну женщину-тракториста, которая учила меня на нем ездить, поворачивать и т.

д., мы с ней посменно этот трактор водили: один отдыхает – другой «баранку» крутит, и наоборот. Также я работал на «лобогрейке» - это косилка такая, запряженная двумя лошадьми. Тяжело на ней работать, особенно если жнивье густое, со лба все время пот льется, отсюда и название – «лобогрейка». Конюхом тоже был, в общем, опыт получил хороший, трудовой и жизненный!
А в 1943 году начались мои военные будни – в ноябре меня забрали в армию. Опять эшелон, долгая дорога – целый месяц в пути, вагоны-«теплушки», скудный рацион – 250-300 г сала да ушанка сухарей на неделю, редкие остановки (например, в Новосибирске) для отдыха и помывки в бане и, наконец, прибытие в пункт назначения – тогда этот город назывался Ворошилов, как сейчас называется, не знаю, но расположен где-то на Дальнем Востоке. Там и началась моя служба в составе роты 103-й стрелковой дивизии 53-го стрелкового полка. Надели форму, стали учиться стрелять из винтовки, ползать по-пластунски и пр.; в обязательном порядке проводились политзанятия, на которых до нас доводили сведения о положении дел на фронте.
Однажды, наверное, уже в 1944 году, нашу роту как минимум два дня поднимали по тревоге, затем проводили политзанятия или что-то в этом роде, и служба продолжалась в обычном режиме. Приводить себя в полную боеготовность, а затем отменять ее – удовольствие ниже среднего, особенно если учесть, что я к тому времени уже был пулеметчиком и должен был носить на себе 33-килограммовый станковый пулемет; возить его не разрешалось, так как дороги были далеки от асфальтированных, и у пулемета из-за тряски на ухабах снижалась точность стрельбы. Уже потом мы узнали, что нашу роту таким образом «придержали», не желая обрекать на верную гибель или плен: по данным разведки, в районе близлежащих сопок противник готовил засаду, которая была ликвидирована другим подразделением, более опытным.
- А самих японцев вы видели?
- Не только видел, мне их, военнопленных, и охранять приходилось, и в тайге с ними работать. Счет шел на сотни, если не на тысячи, так что насмотрелся... Иные и на японцев-то не похожи, внешность у них почти европейская; некоторые по-нашему хорошо говорили, переводчиками были. Как-то разговорился я с одним, спросил у него: как же так – ты здесь, у нас, еще и нам помогаешь, неужели твоя честь не велит тебе сделать харакири? А он, японец этот, отвечает: у меня дома жена и двое детей, зачем мне себя убивать, может быть, еще к ним вернусь. Скорее всего, мой собеседник просто не был самураем ...
Конечно, интенсивность военных действий по месту моей службы нельзя было сравнить со Сталинградской или Курской битвами, но бои, безусловно, велись. Война на Дальнем Востоке отчасти носила характер партизанской, где трудно понять разницу между вооруженным противником и мирными жителями из близлежащего поселка. То они нам «зачистку» устроят, то мы им... И настоящие боестолкновения происходили, с перестрелками и подавлением вражеских огневых точек - стрелять из пулемета мне доводилось не раз. Наши соединения не стояли на месте, дневные переходы составляли порядка 35-40 км, и я смело могу сказать, что всю Манчжурию прошагал пешком.
- Какие у Вас имеются награды? И как сложилась Ваша жизнь в первые послевоенные годы?
Я награжден Орденом Отечественной войны II степени и еще несколькими медалями. Окончание Великой Отечественной и Второй Мировой войн я встретил опять же на дальневосточной земле, затем продолжал службу, получив специальность

вулканизаторщика (ремонт автомобильных камер, покрышек и пр.). Очевидно, мои навыки в области вулканизации весьма ценились начальством: иногда в отношении меня даже отменяли гауптвахту, «прописанную» за самоволку в клуб к девченкам, чтобы я мог заняться своими прямыми обязанностями.
8 мая 1950 года я вернулся в родной Ржев, где с тех пор и проживаю. Вот такая моя история.
- Очень интересная история, Владимир Федорович! Спасибо Вам за нее и за Победу!

Материал подготовила Татьяна Сафронова